

Смирнова И. И.

I. I. Smirnova

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА РЕБЁНКА В ХОРРОР-ЖАНРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE FORMATION AND REPRESENTATION OF A CHILD'S IMAGE IN THE HORROR GENRE (BASED ON LITERARY TEXTS)

Смирнова Ирина Игоревна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(984)284-26-13. E-mail: Originalcom@yandex.ru.

Irina I. Smirnova – Postgraduate Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(984)284-26-13. E-mail: Originalcom@yandex.ru.

Аннотация. В статье проводится анализ социокультурных аспектов формирования и отображения образа ребёнка как источника ужаса в хоррор-жанре. Анализ хоррор-нарративов позволит выявить ключевые темы, связанные с семейными отношениями, такие как абьюзивные родители, токсичные семейные отношения и гиперопека. Эти аспекты могут отражать страхи, связанные с родительством и семейной жизнью. Автор приводит ключевые формы, в которых дети предстают как источник ужаса: одержимость, подменыш, призрак, рождение монстра, посредник сил зла. Исследуется, как культурные, исторические и социальные контексты влияют на восприятие и интерпретацию образа ребёнка в англоязычных и русскоязычных произведениях. Рассматриваются конкретные примеры отображения образа ребёнка как источника ужаса в художественных текстах двух российских авторов: А. Старобинец и Д. Бобылевой. Делается вывод, что нарративы о злых детях стремятся подтвердить основополагающую невинность детей, используя сверхъестественные элементы, которые освобождают их от ответственности за злодеяния.

Summary. The article analyzes sociocultural aspects of the formation and representation of a child as a source of horror in the horror genre. Analyzing horror narratives will reveal key themes related to family relationships, such as abusive parents, toxic family dynamics, and overprotection. These aspects may reflect fears associated with parenting and family life. The author identifies key forms in which children appear as sources of horror: possession, changeling, ghost, the birth of a monster, and as intermediaries of evil forces. The study explores how cultural, historical, and social contexts influence the perception and interpretation of the image of a child in English-speaking and Russian-speaking works. The article examines specific examples of the representation of a child as a source of horror in the literary texts of two Russian authors, A. Starobinets and D. Bobyleva. The conclusion is that narratives about evil children tend to affirm the fundamental innocence of children by employing supernatural elements that absolve them of responsibility for their misdeeds.

Ключевые слова: хоррор-жанр, образ ребёнка, русский хоррор, литература ужасов.

Key words: horror genre, image of a child, Russian horror, horror literature.

УДК 130.2

Жанр хоррора отражает страхи и волнения современного общества, находя своё выражение в культурных трендах и в то же время являясь их отражением. Исследование страхов общества через призму хоррор-произведений представляет собой перспективный подход к выявлению возможных причин демографического кризиса. В последние десятилетия наблюдается значительное влияние феминистских идей и концепции чайлдфри на восприятие семейных отношений, что, в свою очередь, может способствовать снижению рождаемости и изменению традиционных представлений о материнстве.

С середины XX века наблюдаются кардинальные изменения в институтах семьи, брака и материнства. Изменение общественных норм и стереотипов о роли женщины в обществе дало начало новым жизненным целям современной женщины – стремлению получить высшее образо-

вание и построить карьеру, обеспечить себе финансовую независимость и реализовать личные амбиции. И поскольку вышеупомянутые цели требуют серьёзных затрат времени и ресурсов, многие женщины начинают осознанно отказываться от рождения детей или откладывают этот шаг на более поздний срок. Это подтверждается исследованиями, которые подчёркивают значимость личных амбиций и стремления к независимости в жизни современных женщин [5], что вызывает определённые опасения, т. к. способствует демографическому кризису, который угрожает устойчивости общества.

С изменением социальных норм и ценностей меняются также взгляды на воспитание детей. Анализ хоррор-нарративов позволит выявить ключевые темы, связанные с семейными отношениями, такие как тема абьюзивных родителей, токсичных семейных отношений и гиперопеки, а также поднять важные вопросы о границах родительской ответственности и психологическом благополучии детей. Эти аспекты могут отражать страхи, связанные с родительством и семейной жизнью, что может способствовать нежеланию женщин вступать в брак или заводить детей. Понимание этих страхов и их корней является важным шагом к разработке эффективных стратегий, направленных на укрепление института семьи и пропаганду образа счастливого материнства.

Преподаватель университета Иллинойса Тони Уильямс утверждает, что семья долгое время служила ключевым пространством для современного жанра ужасов, поскольку нуклеарная семья «порождает паранойю по поводу внешних угроз своей целостности, а также является местом психосексуального развития» [17]. Аналогичным образом американский теоретик кино и медиа Вивиан Собчак утверждает, что фильмы ужасов после «Ребёнка Розмари» (1968) тематически сместились от темы чудовищных детей (симптома «разрыва поколений» 1960-х годов) к теме чудовищных родителей (а-ля «Сияние» (1980)) [16]. Эти два часто цитируемых предшественника постхоррор-фильмов демонстрируют родство современных ужасов с тревогами семейной мелодрамы по поводу угроз продолжению рода. Американский философ, искусствовед, теоретик кино Н. Кэрролл связывает возникновение демонических детей с трудностями взросления демографически нестабильного послевоенного поколения. По его мнению, «циклы ужасов, скорее всего, возникают в периоды выраженного социального стресса, во время которых произведения ужасов служат для выражения преобладающей проблемы». Из чего следует, что можно объяснить востребованность определённого «цикла ужаса», «выделив источники социального стресса и тревог, с которыми этот цикл коррелирует» [8, 209].

Идеология чайлдфри представляет собой осознанное решение оставаться бездетным, что зачастую обусловлено личными, экономическими и экологическими факторами. Данная концепция отражает несколько ключевых изменений в общественных ценностях:

1. Сдвиг в восприятии семейных структур, где традиционные роли родителей и детей подвергаются сомнению.

2. Экономические соображения: увеличение расходов на воспитание детей, что заставляет многих людей рассматривать альтернативные жизненные пути.

3. Культура экологии и экологичного потребления: осознание последствий перенаселения и его влияния на окружающую среду, что также способствует отказу от родительства.

Движение чайлдфри значительно повлияло на культурные нарративы, что привело к переоценке детства и родительства в различных средствах массовой информации, включая литературу и кинематограф. Это влияние можно выделить в следующих аспектах:

1. Вызов традиционной точке зрения: растущее принятие образа жизни без детей бросает вызов традиционному нарративу, который связывает удовлетворение от жизни с родительством. Это создаёт новые возможности для обсуждения альтернативных форм жизни и отношений.

2. Отказ от материнства может вызывать страх перед социальным крахом и потерей идентичности, что находит своё отражение в более мрачном изображении детей в литературе ужасов. В таких произведениях дети могут восприниматься не только как невинные жертвы, но и как потенциальные источники угрозы.

Исследованность. Образ пугающего ребёнка в хоррор-жанре широко исследован в западном научном сегменте, особенно в американском. На английском языке доступно множество ста-

тей, монографий и исследований: Adrian Schober, *Possessed Child Narratives in Literature and Film* (2004) [15], Ellen Pifer, *Demon or Doll: Images of the Child in Contemporary Writing and Culture* (2000) [12], Dominic Lennard, *Bad Seeds and Holy Terrors: The Child Villains of Horror Films* (2014) [11], Andrew Scahill, *The Revolting Child in Horror Cinema: Youth Rebellion and Queer Spectatorship* (2015) [14], T. S. Kord, *Little Horrors: How Cinema's Evil Children Play on Our Guilt* (2016) [10], Markus Bohlmann, Sean Moreland, *Monstrous Children and Childish Monsters: Essays on Cinema's Holy Terrors* (2015) [7], Karen J. Renner, *Evil Children in the Popular Imagination* (2016) [13], Simon Bacon, Leo Ruickbie, *Little Horrors: Interdisciplinary Perspectives on Anomalous Children and the Construction of Monstrosity* (2016) [6] и другие.

Российские научные исследования слабо освещают эту тему. В работе профессора и доктора философских наук А. Г. Некиты «Голливудская inferнальная идеология в поисках новых символических топосов» [3] рассматривается связь образа дьявола с образом ребёнка. Исследования, касающиеся пугающих детей в литературе, часто охватывают не жанр ужасов, а сосредотачиваются на фольклорных подменах или на темах рождения чёрта или Антихриста, как, например, в работе российского филолога А. А. Панченко «Почему родился чёрт: сюжет о коммунистесвятотатце, новорождённые монстры и границы религиозной дидактики» [4]. Образ пугающего ребёнка в русском хорроре также недостаточно описан даже в популярной публицистике; к таким публикациям можно отнести статью Алексея Абросимова «Цветы жизни» [1] и статью Елизаветы Масленниковой «Повелители мух» [2], в которой рассматриваются наиболее яркие детские персонажи-«инферно» в видеоиграх. Подобная малоизученность обуславливает актуальность данного исследования.

Каким образом дети представлены в современной литературе ужасов?

В произведениях жанра хоррор дети могут выполнять две основные роли: быть невинными жертвами или источниками зла. Первая роль привычна для детского персонажа, вторая более любопытна. Троп зловещих, пугающих детей являет собой целый поджанр хоррора, в который дети вносят дополнительный элемент страха, поскольку традиционно воспринимаются как носители чистоты и невинности. Это неожиданное отсутствие невинности вызывает у аудитории более глубокий уровень тревоги, пугает до глубины души.

Рассмотрим, каким образом фигура персонажа-ребёнка представлена в хорроре.

1. *Отсутствие детей* – вынужденная бездетность, чайлдфри и потеря ребёнка.

В некоторых повествованиях отсутствие детей или выбор оставаться бездетным является центральной темой, что предполагает культурную критику традиционной семейной структуры. Тема бездетности исследуется через призму невозможности иметь детей, бесплодия и потери ребёнка, которая может проявляться в различных формах, включая смерть, похищение или трансформацию. Как пишет профессор дискурсов сексуальности в Бирмингемском университете Лиза Даунинг, повторяющийся троп потерянного ребёнка обретает культурную значимость, поскольку бездетность воспринимается как оскорбление доминирующей идеологии, обозначенной как «репродуктивный футуризм» американским литературным критиком Ли Едельманом. Эта идеология акцентирует внимание на личном и социальном воспроизводстве, воплощённом в символе Ребёнка. В данном контексте бездетность рассматривается как угроза, ставящая под сомнение конечность семейной линии [9, 48].

Из всего вышеперечисленного в хорроре чаще всего представлена именно потеря ребёнка, которая может быть представлена нарративом как нечто абсолютно ужасающее или нечто, что освобождает героев.

2. *Дети как источник ужаса.*

В контексте идеологии бездетности дети часто символизируют общественные тревоги относительно будущего и ответственности родительства.

Современная литература ужасов часто изображает детей не только как невинных жертв, но и как источник ужаса, отражая общественные страхи по поводу воспитания детей. Это включает в себя страх того, что ребёнок может стать чудовищем в результате ошибок его родителей или пагубного влияния со стороны. Главные герои, как правило, не способны противостоять ребёнку

традиционными способами, поскольку склонность взрослых защищать детей делает маловероятной возможность смертельной конфронтации.

Первоначально дети как источник ужаса предстали в американском кинематографе во времена бэби-бума, примерно с 1946 по 1964 год, период, который характеризовался значительным ростом рождаемости. К. Дж. Реннер выделяет несколько причин, породивших этот феномен:

- увеличение детской преступности в данный период и освещение этого средствами массовой информации и популярной культурой ещё больше усилили тревогу по поводу подростков;
- подростковая культура впервые вышла на первый план, свергнув взрослый мир;
- появление новых форм массовых развлечений, таких как радио, телевидение, рок-музыка и комиксы, породило опасения по поводу потенциального опасного влияния, которое могло бы развратить молодые умы [13].

Ранние произведения, посвящённые теме пугающих детей, преимущественно представляли собой короткие рассказы, такие как «Маленький убийца» Рэя Брэдбери и «Рожденный женщиной» Ричарда Мэтисона, а также романы, например, «Скрюченный домишко» Агаты Кристи, «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Кукушки Мидвича» Джона Уиндема, многие из которых были экранизированы.

В 1960-х годах к теме обратились такие известные авторы, как Ширли Джексон и Джойс Кэрол Оутс, однако именно роман «Ребёнок Розмари» Айры Левина и его экранизация значительно популяризировали жанр. Этот успех породил большое количество романов о пугающих детях в 1970-х годах, включая «Изгоняющего дьявола» и «Другого», которые были экранизированы. Энн Райс начала свою карьеру с романа «Интервью с вампиром», в котором фигурирует ребёнок-вампир Клодия. Стивен Кинг ещё больше продвинул троп в массовую культуру такими произведениями, как «Кэрри» и «Дети кукурузы», которые также были экранизированы. Эта волна романов ужасов превратила троп о пугающих детях в распространённую тему массовой литературы ужасов [13].

Рассмотрим несколько ключевых форм, в которых дети предстают как источник ужаса.

1. Одержимый ребёнок. Демоны в фильмах часто нацеливаются на детей, потому что их легче контролировать и они имеют над ними власть совершать свои злые деяния. Дети представляются как уязвимые существа, что делает их идеальными жертвами для сил зла. Эта форма часто вызывает в зрителе чувство беспомощности, т. к. демон использует невинность ребёнка, чтобы реализовать свои тёмные намерения.

2. Подменыш. Подменыши – это дети, которых заменили на нечто иное, например, на монстров или существ, пришедших из другого мира. Эта форма ужасает тем, что ставит под сомнение идентичность ребёнка.

3. Призрак. Призраки детей часто представляют собой неразрешённые трагедии и недосказанности. Они олицетворяют страх перед потерей ребёнка и чувство вины. Призраки могут быть как мстительными, так и беззащитными, и они привносят в нарратив элементы сожаления, подчёркивая, что дети могут оставаться в нашем сознании даже после своей смерти.

4. Рождение монстра. Различные нарративы историй о рождении монстра описывают пагубное влияние матерей, генетическое влияние отцов и способы, которыми научное вмешательство может превзойти и то, и другое. Троп может отражать страх нежелательной беременности или страх перед развитием у плода патологий. Ещё одним видом рождения монстра является рождение Антихриста.

5. Посредник сил зла. Ребёнок, по каким-либо причинам полный ненависти к окружению, вступает в контакт со сверхъестественным существом и использует его силу для выполнения своих, как правило, кровавых желаний. Эта форма схожа с одержимостью, однако ключевым различием обычно является то, что ребёнка на тёмный путь толкает плохое отношение к нему семьи или окружения.

Доцент кафедры английского языка в Северном Аризонском университете К. Дж. Реннер утверждает, что популярность такого тропа связана с тем, что «в 1970-х годах женщины боролись за право на аборт и равенство на рабочем месте, права, которые, по мнению многих феминисток, были

неразрывно связаны» [13], и в то же время общество испытывало дискомфорт от идеи, что женщины могут в конечном итоге полностью отказаться от роли матери. Однако современные версии этих нарративов имеют другую цель: «они ставят под сомнение культ интенсивного материнства, который возник после середины 1990-х годов», «Матери сегодня вызывают страх своим чрезмерным материнством, “жаждой детей” и производством детей, которые также ненасытны» [13].

Рассмотрим образы пугающих детских персонажей в русской хоррор-литературе, обратившись к работам двух известных писательниц в хоррор-жанре: Анны Старобинец и Дарьи Бобылевой.

Анна Старобинец «Переходный возраст»

Повесть Анны Старобинец «Переходный возраст» была награждена премией «Нокт» от испанской Ассоциации писателей хоррора в 2013 году. В повести рассказывается история достаточно типичной российской семьи: матери-одиночки и её детей-близнецов, брата и сестры, живущих в небольшой квартире в Подмоскowie. Однажды после прогулки на природе мальчику Максиму что-то попало в ухо и он сильно заболел. После того как он выздоровел, мать и сестра начали замечать изменения в поведении мальчика. К выпускному классу он превратился в толстого, неповоротливого подростка, который хранил в своей комнате большие запасы сахара, тащил все сладости, которые только мог найти, плохо пах, грубо себя вёл. Он стал неприятным и странным, и однажды мать увидела, как по нему ползёт муравей. Повесть отсылает к слепой материнской любви и к нарастающему безразличию матери по отношению к странностям сына. Героиня сетует на абстрактный «переходный возраст», надеясь, что всё пройдёт само собой, не подозревая, что на самом деле тело и разум её ребёнка захватили разумные муравьи и их королева. Тело Максима не может выдержать продолжительного нахождения в нём муравьиной колонии, поэтому королеве необходимо найти новое пристанище для выведения потомства – её выбор падает на сестру мальчика. Максим похищает сестру, в лесу насильственно вступает с ней в запретную связь, и, породив новое поколение, они оба погибают. В конце героиня обнаруживает тела своих детей и их потомство, принимая на себя роль матери-бабушки и продолжая заботиться о потомстве своих детей.

В повести находит отражение образ одержимого ребёнка и затрагивается ряд архетипических страхов: страх того, что ребёнок вырастет чудовищем, страх перед его изменениями (упомянутый переходный возраст), страх того, что под личиной близкого человека прячется что-то чужое и страшное, а также страх перед смертью ребёнка (как душевной, так и физической).

Анна Старобинец «Резкое похолодание»

Сборник рассказов писательницы «Резкое похолодание» был опубликован в 2008 году. Главная героиня – девочка Соня – нелюбима родителями и не дружит со сверстниками. Единственным другом девочки является «волшебница», обитающая в снежной горе. Соня делится с «волшебницей» своими печалью и пишет на листке свои вопросы и желания. В ходе сюжета девочка просит «волшебницу» убить свою одноклассницу, и та выполняет это желание. Хотя источник ужаса в первую очередь являет собой волшебница (которая является неупокоенным духом женщины), главная героиня может рассматриваться как посредник сил зла – ребёнок, который водит дружбу с «ужасным». Соня испытывает ненависть к родителям, одноклассникам и окружающим, желая им смерти. «Ведьма» – пожилая женщина, чьего сына убили родители героини – постоянно говорит, что родители Сони не люди, что у них и неё нет души, и что кровь девочки в конечном счёте замёрзнет (на протяжении повествования героиня постоянно испытывает лёгкое обморожение). Это может символизировать страх перед тем, что дети унаследуют негативные черты своих родителей.

Дарья Бобылева «Вьюрки»

Роман Дарьи Бобылевой «Вьюрки» вышел в популярной хоррор-серии «Самая страшная книга» и был удостоен премии «Мастера ужасов».

Жители дачного посёлка Вьюрки в один из дней обнаружили себя полностью изолированными от внешнего мира, и в их «загородном раю» начали происходить загадочные, а порой и пугающие события. Вечное «райское» лето несло в себе нечто чуждое, иномирное; люди, пытавшиеся покинуть посёлок, исчезали, а на их место приходили подменыши, внешне похожие, но отли-

чающиеся, «иные». Троп пугающего ребёнка представлен неведомым зверем-людоедом, которым на самом деле являются два ребёнка-подменыша, внешний вид которых соответствует образу монстра: «бесформенные кожистые твари, на тушах которых толком разглядеть можно только огромные многозубые рты»; «их очертания странно плыли, руки и ноги растягивались, точно щупальца, тела распухали бесформенными мешками и снова сдувались в худенькое, детское». Несмотря на монструозность детей, их мать продолжает укрывать их у себя дома и подкармливать.

Ещё одна форма пугающего ребёнка представлена в игоше – монстре в славянской мифологии, являющемся душой некрещёного или мертворождённого ребёнка. Игоша воплощается в неуспокоенном призраке маленькой девочки, которая приходит ночью к одной из героинь романа – девочке Юле. На первый взгляд неуспокоенная девочка выглядит привычно: одета в грязно-белое кружевное платье, длинные русые волосы прикрывают глаза. Однако у игоши нет ног, она ползает по полу, шлепая ладонями, её рот длинный и лягушачий, «разломивший её личико почти до самых ушей», полный гнилых зубов, а ногти – «непомерно отросшие и пожелтевшие».

В романе представлены образы подменыша и призрака. Подменыш, который внешне напоминает обычного ребёнка, но на самом деле является монстром, символизирует страх утраты идентичности и подмены. Мать, продолжающая прятать своих детей-подменшей, отражает внутренний конфликт: она не в состоянии принять, что её дети стали чем-то иным, чем были раньше. Образ неуспокоенной девочки, которая является призраком, также связан с темой утраты. Мать игоши, случайно убившая свою дочь, не может смириться с её смертью и испытывает чувство вины.

Дарья Бобылева «Сынок»

Рассказ Дарьи Бобылевой «Сынок» входит в авторский сборник «Забытый человек», вышедший в 2022 году в серии «Самая страшная книга».

Главный герой – мальчик Антоша – помогает одинокой полоумной старушке. Порой происходят странности: то ключи Антоша потеряет, то ботинок окажется под шкафом, то мобильник не там, где был – всё это он списывает на старушкины причуды. Старушка постоянно упоминает своего «сынка»: «Видишь, как хорошо мне... А всё сынок, всё сынок, всё его благодарю, каждый день. Если б не он – ничего бы у меня не было»; «И кошечек приводила, и собачек. У сынка с ними не заладилось...»; «Ну я и решила: раз не любит он животных, так я больше и не буду, матери детишкам уступать должны. С тех пор никого не приводила, раз он не хочет, так и не буду». Поначалу Антоша думает, что сынок старушку просто бросил, затем приходит к мысли, что его никогда и не существовало. В итоге «сынок» нападает на Антошу, а старушка объясняет приехавшим на место медикам, что когда-то родила своего сынка пятимесячным, но он быстро скончался. Она не смогла принять его смерть, поэтому положила его в холодильник, чтоб не портился, а затем просила Бога о том, чтобы её сын воскрес: «Одеяльце ему дала, подушечку, а сама у холодильника поклоны бью – Господи, воскреси, умеешь же...», – и он действительно начал двигаться. После чего продолжил жить в старушкином холодильнике, где у него есть кровать и еда.

Монструозный образ мёртвого ребёнка выстраивается следующим образом: «бесформенное существо цвета несвежего мяса», «маленькое личико с полупрозрачным носом-кнопочкой и совершенно чёрными неживыми глазами», «от существа пахло тухлятиной, кровью и гнилыми зубами». Как и в рассматриваемых ранее примерах, в описании ребёнка-монстра можно проследить обращение авторов к темам телесности, смерти, разложения и гниения.

Дарья Бобылева «Бабайка»

Мальчик Владя – «лишний» ребёнок, которого в семье никто не любит, и никому он по настоящему не нужен. После смерти бабушки мальчик смотрел на семейное фото и говорил «Отдайте деду. Деда мой»; «Деда приходи» – и что-то действительно пришло и начало выполнять деструктивные желания мальчика. «Я теперь страшный», – говорит своей маме маленький Владя, после того как по его хотению учительницу искусили осы, тетя Маша сломала ногу, бабушку увезли в больницу. Мать может лишь беспомощно спрашивать: «Володя, сынок, что ты имеешь в виду?» Здесь находит отражение страх перед тем, что ребёнок подвергнется плохому влиянию, а также тому, что из-за плохого отношения окружения и отсутствия любви ребёнок пойдёт по деструктивному пути. В конце подразумевается, что бабайкой на самом деле была его умершая

восьмилетняя сестрёнка Лика, «гроза няnek и любительница отрывать бабочкам крылья». Таким образом, помимо посредника сил зла, в рассказе присутствует образ ребёнка-призрака.

Кинематограф

Образ пугающего ребёнка является популярным тропом в киноискусстве. Настоящий бум фильмов данного типа наблюдается в американском кинематографе, где можно выделить такие произведения, как «Ребёнок Розмари» (1968), «Омен» (1976), «Дитя тьмы» (2009), «Дитя тьмы: первая жертва» (2022), «Изгоняющий дьявола» (1973), «Бабадук» (2014), «Няня» (2020), «Мзган» (2023), «Дети кукурузы» (1984, 2020), «Дети» (1980) и многие другие.

Российский хоррор-кинематограф не обладает такой же развитостью, как другие жанры кино. Тем не менее в России также существуют фильмы, в центре сюжета которых находятся пугающие дети, такие как «Мёртвые дочери» (2007), «Юленька» (2009), «Пустите детей» (2017), «Тварь» (2019). В российском кинематографе наблюдается большое следование западным трендам: короткометражный фильм «Пустите детей» основан на рассказе Стивена Кинга «Suffer the Little Children», «Тварь» сравнивают с европейскими хоррор-драмами, «Юленька» черпает вдохновение у «Дитя тьмы».

Вывод

К. Дж. Реннер делает вывод, что «нарратив о злых детях в значительной степени представляет собой серию попыток подтвердить основополагающую невиновность ребёнка... с помощью сверхъестественных элементов сюжета... которые освобождают ребёнка от ответственности даже за самые отвратительные поступки» [13, 12]. По её мнению, сверхъестественные элементы, такие как сатанинские гены и одержимость, освобождают детей от ответственности за их действия, приписывая отклонения таких детей внешним факторам: генетике, воспитанию, образованию и социальным условиям. Зло представляется не как врождённая черта, а как результат воздействия указанных факторов, а значит «злые дети» испорчены внешним воздействием и не несут собственной ответственности за совершённые поступки. Подобный нарратив имеет гуманистическую направленность, внося предположение, что анализ истоков детского зла может способствовать исправлению моральных недостатков взрослых. Выделяются различные категории злых детей, каждая из которых отображает разнообразные социальные проблемы и влияния, что в конечном итоге ведёт к более широкому исследованию вопроса о происхождении зла. Однако, несмотря на то что авторы изображают детей как жертв обстоятельств, подразумевается, что читатель будет ужасаться их действиям и ратовать за их смерть или изгнание: «Злого ребёнка нужно либо изгнать – вернуть в категорию Ребёнка – либо истребить, поскольку ему нет места в нашем мире» [13, 12].

Подобное изображение детей как жертв обстоятельств встречается и в российском хорроре. Интересно, что в рассмотренных нами произведениях, где ребёнок становится воплощением ужаса, родители, особенно матери, не стремятся отстраниться от него. Напротив, даже после превращения ребёнка в монстра они продолжают заботиться о нём, жертвуя собой и окружающими. С одной стороны, это можно интерпретировать как принятие материнства даже в самых сложных обстоятельствах. С другой стороны, авторы, возможно, демонстрируют ужасающий характер подобной жертвенности по отношению к детям.

В русской литературе троп пугающего ребёнка встречается реже, возможно, из-за отсутствия в России эпохи бэби-бума, который и породил этот троп в американской культуре.

Перспективные направления исследования: углублённое изучение способов изображения фигуры ребёнка, матери, отца и семьи в целом в современном хорроре, а также выявление отражаемых в нём страхов.

Кроме того, исследование хоррор-произведений может помочь в выявлении социальных и культурных факторов, способствующих демографическому кризису. Например, анализ образов женщин в хорроре может продемонстрировать, как общественные стереотипы и ожидания влияют на выбор жизненных путей, включая решение о материнстве. Это знание может быть использовано для создания программ, направленных на изменение общественного мнения и поддержку женщин в их стремлении к созданию семьи.

Таким образом, исследование страхов общества через изучение хоррор-произведений не только углубляет наше понимание культурных и социальных изменений, но и открывает новые горизонты для решения демографического кризиса. Укрепление института семьи и формирование позитивного образа материнства могут стать важными шагами в преодолении текущих вызовов, что требует комплексного подхода, основанного на анализе культурных нарративов и общественных страхов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимов, А. «Цветы жизни» / А. Абросимов // DARKERMAGAZINE.RU: онлайн-журнал ужасов и мистики: сайт, 2023. – URL: <https://darkermagazine.ru/page/cvety-zhizni> (дата обращения: 14.02.2025). – Текст: электронный.
2. Масленникова, Е. «Повелители мух» / Е. Масленникова // DARKERMAGAZINE.RU: онлайн-журнал ужасов и мистики: сайт, 2023. – URL: <https://darkermagazine.ru/page/poveliteli-muh> (дата обращения: 14.02.2025). – Текст: электронный.
3. Некита, А. Г. Голливудская inferнальная идеология в поисках новых символических топосов / А. Г. Некита // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 7 (25). – С. 1-5.
4. Панченко, А. А. Почему родился чёрт: сюжет о коммунисте-святотатце, новорождённые монстры и границы религиозной дидактики / А. А. Панченко // Studia Litterarum. – 2018. – № 2. – С. 252-287.
5. Перова, А. П. Психологические особенности женщин-чайлдфри: современный взгляд / А. П. Перова, Ж. Ю. Кара // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6. – С. 84-92.
6. Bacon, S., Ruickbie, L. Little Horrors: Interdisciplinary Perspectives on Anomalous Children and the Construction of Monstrosity / S. Bacon, L. Ruickbie. – 2016. – 239 p.
7. Bohlmann, M., Moreland, S. Monstrous Children and Childish Monsters: Essays on Cinema's Holy Terrors / M. Bohlmann, S. Moreland. – Jefferson, NC: McFarland, 2015. – 248 p.
8. Carroll, N. The Philosophy of Horror or Paradoxes of the Heart / N. Carroll. – New York, NY: Routledge, 1990. – 272 p.
9. Downing, L. On the fantasy of childlessness as death in psychoanalysis and in Roeg's Don't Look Now and von Trier's Antichrist / L. Downing // Lambda Nordica. – 2011. – Vol. 2, № 3. – P. 49-68.
10. Kord, T. S. Little Horrors: How Cinema's Evil Children Play on Our Guilt / T. S. Kord. – Jefferson, NC: McFarland, 2016. – 216 p.
11. Lennard, D. Bad Seeds and Holy Terrors: The Child Villains of Horror Films / D. Lennard. – Albany, NY: State University of New York Press, 2014. – 238 p.
12. Pifer, E. Demon or Doll: Images of the Child in Contemporary Writing and Culture / E. Pifer. – Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 2000. – 240 p.
13. Renner, K. J. Evil Children in the Popular Imagination / K. J. Renner. – New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016. – 216 p.
14. Scahill, A. The Revolting Child in Horror Cinema: Youth Rebellion and Queer Spectatorship / A. Scahill. – New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015. – 232 p.
15. Schober, A. Possessed Child Narratives in Literature and Film / A. Schober. – 2004. – 206 p.
16. Sobchack, V. Bringing It All Back Home: Family Economy and Generic Exchange / The Dread of Difference: Gender and the Horror Film, ed. Barry Keith Grant / V. Sobchack. – Austin, TX: University of Texas Press, 1996. – P. 171-191.
17. Williams, T. Hearths of Darkness: The Family in the American Horror Film / T. Williams. – Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2014. – 360 p.